СЕКЦИЯ:

«ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

ГРНТИ 14.39.00+14.01.00+14.25.00
УДК 37.018.1+373.5+37.013.2
ВАК 5.8.1.

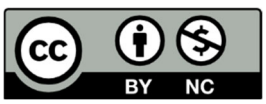
Санников Максим Алексеевич ✉
ректор, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин
Институт развития образования им. К. Д. Ушинского
г. Ижевск, Россия
✉ *E-mail: rector@ushinsky-iro.ru*

«ОТЦЫ И ДЕТИ» В СВЕТЕ ЕВАНГЕЛИЯ: ПРЕОДОЛЕНИЕ КОНФЛИКТА ПОКОЛЕНИЙ ЧЕРЕЗ ПЕДАГОГИКУ ЛЮБВИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье анализируется феномен конфликта поколений («отцов и детей») как фундаментальная педагогическая антиномия, коренящаяся в разрыве между трансляцией культурных норм и стремлением младшего поколения к автономии. На основе обзора современных социологических и психологических исследований показано, что существующие подходы описывают внешние механизмы конфликта, но не предлагают целостного ценностно-антропологического основания для его преодоления. С целью восполнения данной лакуны автором применяется методология аксиолого-антропологической реконструкции (ААР) к корпусу новозаветных текстов. В результате аксиологической детекции (AR-1) выявлено ядро евангельской этики отношений – ἀγάπη (агапэ) как безусловное, жертвенное и деятельное расположение воли к другому, конкретизирующееся в ценностях служения (διακονία), ответственности и смирения (ταπεινοφροσύνη). Антропологическая экспликация (AR-2)

позволила реконструировать модель человека как повреждённого образа Божия, движущегося к целостности через покаяние (μετάνοια) и синергийное соработничество с благодатью, где конфликт поколений понимается не как препятствие, а как онтологическое условие становления субъектности. Педагогическая трансляция евангельских категорий осуществлена в систему педагогических принципов (безусловное принятие, авторитет как служение, формирующее оценивание, диалогическое научение) и конкретных технологий (педагогический контракт, рефлексивный дневник, межпоколенческие проекты). Сформулирован принцип диалогического наставничества как интегративная модель преодоления конфликта поколений. Новизна исследования состоит в том, что впервые предпринята систематическая аксиолого-антропологическая реконструкция евангельского текста как основания для проектирования педагогической модели межпоколенческих отношений, что позволяет перевести богословские категории в плоскость операциональных педагогических принципов. Установлено, что подлинное преодоление антиномии «отцов и детей» возможно не через выбор одной из сторон или компромисс, а через продуктивное удержание различия в пространстве любви и служения, где авторитет утверждается через заботу, а ответственность понимается как внутренняя способность отвечать за Другого.

Ключевые слова: конфликт поколений, педагогика любви, педагогика ответственности, евангельская антропология, аксиолого-антропологическая реконструкция, диалогическое наставничество, межпоколенческие отношения, служение, покаяние, смирение, воспитание, традиция и инновация.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).
The content is available under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY 4.0).

Для цитирования: Санников, М. А. «Отцы и дети» в свете Евангелия: преодоление конфликта поколений через педагогику любви и ответственности / М. А. Санников // Семья и школа в год единства народов России: преемственность поколений и сохранение культурных традиций : сб. трудов Международной науч.-практ. конф. (9-10.10.2026 г., Ижевск) / под общ. ред. Н. Н. Деевой. – Ижевск : Институт развития образования им. К. Д. Ушинского, 2026. – С. 274-300. https://doi.org/10.5281/zenodo.23282713

Введение. Проблема межпоколенческого разрыва, традиционно обозначаемая метафорой «отцов и детей», является одной из фундаментальных педагогических антиномий, воспроизводящихся в любую историческую эпоху. Её суть заключается в перманентном конфликте между необходимостью трансляции культурного и нравственного опыта от старшего поколения к младшему и неизбежным стремлением последнего к самоопределению, пересмотру авторитетов и обновлению ценностных ориентиров. Однако, как показывает анализ современных социально-педагогических исследований, данный конфликт не может быть адекватно понят в рамках сугубо социологических или психологических интерпретаций, поскольку его глубинная природа укоренена в расхождении онто-аксиологических оснований, определяющих понимание смысла человеческого существования, природы свободы и сущности авторитета. Именно поэтому актуальность обращения к евангельскому тексту определяется необходимостью выхода за пределы ситуативных компромиссов и административных решений к восстановлению целостного ценностно-антропологического горизонта, в котором воспитание вновь обретает характер ответственного диалога, а не трансмиссии или манипуляции.

В современном научном дискурсе проблема конфликта поколений разрабатывается преимущественно в рамках социологического и психологического подходов. Социологическая традиция, восходящая к классическим работам К. Мангейма, рассматривает смену поколений как универсальный механизм социальной динамики, где разрыв обусловлен различием темпорального и социального опыта [13]. В русле этой традиции современные исследователи описывают характеристики различных поколенческих когорт (беби-бумеры, X, Y, Z, Альфа), фиксируя различия в ценностных ориентациях, моделях поведения и коммуникативных предпочтениях [14]. При этом констатируется, что конфликт поколений выступает неизбежным следствием столкновения этих различий, а его разрешение видится преимущественно через механизмы взаимной адаптации и контроля негативных проявлений. Психологическая традиция, представленная работами Э. Эриксона и его последователей, интерпретирует данный конфликт как этап нормативного кризиса идентичности, связанный с

сепарацией от родительских фигур и формированием автономии [16]. В рамках этого подхода акцент делается на индивидуальных механизмах преодоления кризиса и успешности адаптационных стратегий.

Однако обе указанные парадигмы, при всей их эвристической ценности, сталкиваются с фундаментальным методологическим ограничением: они описывают *феномен* конфликта и его внешние механизмы, но не предлагают ценностно-антропологического *основания* для его продуктивного преодоления. Социологический подход, как правило, остаётся в пределах констатации неизбежного «цивилизационного разрыва», тогда как психологический подход редуцирует проблему к успешности индивидуальных адаптационных механизмов. Критикуя подобную редукцию, G. Biesta отмечает, что образование, сведённое к «learnification» (обучаиванию), утрачивает способность ставить вопрос о целях и содержании воспитания, подменяя его проблемой эффективности, что делает межпоколенческий диалог бессодержательным [17].

Принципиально иной ракурс задают исследования в области философской антропологии и педагогической герменевтики. Х.-Г. Гадамер, анализируя понятие традиции, настаивает на том, что понимание не есть пассивное воспроизведение прошлого, но активное «слияние горизонтов», предполагающее диалог и признание авторитета не как слепого подчинения, а как признания превосходства опыта [8]. С этой точки зрения, конфликт «отцов и детей» предстаёт не как помеха, а как необходимое условие живого, а не формального воспроизводства культуры. В.П. Зинченко, развивая идеи культурно-исторической психологии, подчёркивал, что смысл и ценности не транслируются как информация, а рождаются в диалогическом пространстве «между» поколениями, в зоне их творческого взаимовызова [9]. М.М. Бахтин, вводя принцип вненаходимости и диалогизма, показывает, что подлинное понимание Другого возможно лишь при сохранении дистанции и признании его неприводимой инаковости, что принципиально меняет оптику рассмотрения межпоколенческих отношений: они предстают не как борьба за власть или влияние, а как событие встречи автономных смысловых позиций [4].

Эмпирические исследования последних лет вносят существенные уточнения в понимание современного состояния межпоколенческих отношений. Так, исследование

О.А. Александровой демонстрирует, что студенческая молодёжь откладывает вступление в брак и рождение детей не из-за инфантилизма или гедонизма, а, напротив, из-за **осознанной ответственности**: стремления сначала достичь финансовой и профессиональной стабильности, чтобы затем обеспечить надёжное будущее для своей семьи [2]. При этом ценность семьи и детей остаётся высокой, а межпоколенческий диалог в семьях, в основном, сохраняется, хотя и с некоторыми расхождениями. Это позволяет утверждать, что мотивация младшего поколения – это не отрицание ценностей старших, а поиск адекватных форм их реализации в изменившихся социально-экономических условиях.

Исследование Е.П. Арнаутовой, Е.С. Рычаговой и И.Н. Воробьевой выявляет иной, но не менее значимый аспект проблемы: семейные традиции, выступая мощным потенциалом духовно-нравственного воспитания, часто остаются неосознанным ресурсом как для родителей, так и для педагогов [3]. Авторы показывают, что уровень осознанности семейных традиций недостаточен, а педагоги и родители нуждаются в методической помощи для их актуализации и трансляции. Это указывает на то, что проблема заключается не столько в отсутствии ценностей, сколько в недостатке **осознанных механизмов их передачи** между поколениями.

В свою очередь, С.А. Ильиных, анализируя представления горожан о семье, фиксирует устойчивый разрыв между **идеализированными** и **реальными** образами семейных отношений [10]. Идеал коллегиальности и равноправия часто расходится с реальным традиционным распределением ролей; идеал воспитания без насилия сосуществует с реальными практиками контроля. Это свидетельствует о том, что в массовом сознании существует ценностный идеал, однако отсутствуют ясные и работающие способы его практического воплощения.

Наиболее показательным в контексте межпоколенческой трансляции является исследование О.Н. Безруковой и В.А. Самойловой, посвящённое отцовству [5]. Авторы выявляют критическую зависимость модели отцовства от качества межпоколенческих отношений в родительской семье. Выделяются два типа отцов: **«транслирующие»** опыт родителей (повторяющие модель, часто традиционную) и **«ищущие собственный подход»** (критически переосмысливающие опыт, особенно негативный).

Примечательно, что «ищущие» проявляют большую вовлечённость в воспитание, но одновременно испытывают значительно больше сомнений в своей родительской компетентности. Это показывает, что даже сознательный отказ от транслируемой модели не гарантирует обретения целостной и устойчивой альтернативы, а часто ведёт к противоречивому сочетанию высоких ценностных ожиданий и практической неуверенности.

Наконец, исследование Е.В. Коротаевой, А.С. Андрюниной и И.Г. Чугаевой обращается к институциональному измерению проблемы, анализируя взаимодействие семьи и школы [12]. Авторы показывают, что родители испытывают запрос не только на решение оперативных вопросов успеваемости и поведения, но и на **глубокое содержательное взаимодействие**, направленное на согласование позиций, ценностей и целей воспитания. Родители выбирают такие формы взаимодействия, как педагогические мастерские, вечера вопросов и ответов, конференции, что свидетельствует о потребности в аксиологическом насыщении педагогического знания и практико-ориентированной помощи. Диалог в этом контексте понимается не как обмен информацией, а как «встреча сознаний», требующая открытости и взаимного признания.

Таким образом, обзор литературы позволяет выявить ключевые научные лакуны. Во-первых, существующие подходы описывают конфликт поколений либо как неизбежный социальный факт, либо как индивидуально-психологический кризис, не предлагая целостного ценностно-антропологического основания для его преодоления. Во-вторых, эмпирические исследования фиксируют разрыв между ценностными идеалами и реальными практиками их воплощения, а также недостаток осознанных механизмов межпоколенческой трансляции. В-третьих, современные родители и педагоги испытывают запрос на содержательное согласование ценностных позиций, однако методический инструментарий для такого согласования остаётся неразработанным. Именно эту лакуну призвано заполнить настоящее исследование, предлагающее обращение к евангельскому тексту как к целостной онто-аксиологической системе, которая может быть реконструирована с помощью

методологии *аксиолого-антропологической реконструкции (ААР)* и транслирована в плоскость педагогического проектирования.

Цель исследования состоит в экспликации евангельской модели преодоления конфликта поколений и её педагогической трансляции в контекст современного образования. Гипотеза исследования предполагает, что обращение к евангельскому тексту позволяет выявить не просто нормативные предписания, а целостную антрополого-педагогическую систему, основанную на синтезе любви и ответственности, которая предлагает не снятие антиномии «отцов и детей», а её продуктивное удержание в пространстве диалога и служения. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: 1) на основе метода аксиолого-антропологической реконструкции (ААР) выявить аксиологическое ядро (Summum Bonum) и антропологическую модель новозаветной традиции, релевантную для анализа межпоколенческих отношений; 2) осуществить концептуальный перенос ключевых евангельских категорий (любовь, жертвенность, свобода, послушание) в язык педагогических принципов; 3) сформулировать проектный эскиз педагогической модели, направленной на формирование субъекта ответственного диалога.

Разрешение указанной проблемы предполагает использование методологического инструментария аксиолого-антропологической реконструкции (ААР), разработанного в педагогической науке для перевода целостных мировоззренческих систем в плоскость педагогического проектирования. Данный метод, основанный на принципе двойной реконструкции (AR-1 и AR-2), позволяет эксплицировать имплицитные онтологические и антропологические основания культурной традиции и осуществить их концептуальный перенос в современный образовательный дискурс, что обеспечивает научную строгость и воспроизводимость исследования.

Материалы и методы. Дизайн настоящего исследования является теоретико-методологическим и включает в себя элементы качественного анализа, направленного на реконструкцию и педагогическую трансляцию ценностно-антропологических оснований евангельской традиции. Выбор качественной методологии обусловлен характером исследовательских задач: экспликация имплицитных смысловых структур, герменевтическая интерпретация сакрального текста и концептуальный перенос

философско-богословских категорий в плоскость педагогического проектирования не поддаются прямой количественной операционализации, но требуют строгих процедур интерпретации и верификации.

В качестве теоретико-методологической рамки исследования выступает метод аксиолого-антропологической реконструкции (AAP / Two AR), разработанный М.А. Санниковым [15]. Данный метод представляет собой формализованную пятишаговую процедуру, обеспечивающую перевод целостных мировоззренческих систем в плоскость педагогического проектирования через последовательную экспликацию аксиологического ядра (AR-1) и антропологической модели (AR-2) исследуемой традиции с последующей педагогической трансляцией и проектным синтезом. Выбор метода обоснован его соответствием характеру исследовательских задач: AAP позволяет не только описывать, но и операционализировать ценностно-антропологические основания традиции, что делает его адекватным инструментом для решения поставленной проблемы.

В соответствии с методологией AAP, исследование включает в себя несколько последовательных этапов. На подготовительном этапе осуществляется историко-культурная контекстуализация евангельского текста, включающая анализ его жанровых особенностей, исторических условий возникновения и ключевых богословских интерпретаций. Данный этап обеспечивает герменевтическую достоверность последующей реконструкции и минимизирует риски модернизации или произвольной интерпретации сакрального материала. В качестве источников для контекстуального анализа привлекаются работы по библейской герменевтике, истории раннего христианства и патристике, в частности исследования С.С. Аверинцева [1], А.В. Карташёва [11] и современных богословских комментариев.

На этапе аксиологической детекции (AR-1) осуществляется выявление аксиологического ядра евангельской традиции – иерархически организованной системы ценностей, венчаемой высшим благом (Summum Bonum). Для этого проводится семантический и контекстуальный анализ ключевых евангельских понятий, релевантных для проблематики межпоколенческих отношений: ἀγάπη (любовь), διακονία (служение), ἐξουσία (власть/авторитет), ὑπακοή (послушание), ἐλευθερία

(свобода), εὐαγγέλιον (благая весть). Особое внимание уделяется тем фрагментам синоптических Евангелий и Евангелия от Иоанна, которые непосредственно затрагивают отношения между учителем и учениками, родителями и детьми, старшим и младшим поколениями (Мф. 5–7; Мф. 18:1–14; Мф. 20:20–28; Мф. 23:1–12; Мк. 9:33–37; Мк. 10:13–16; Ин. 13:1–17; Ин. 15:9–17). Анализ осуществляется с опорой на авторитетные академические переводы и комментарии, а также на современные исследования евангельской этики.

На этапе антропологической экспликации (AR-2) реконструируется модель человека, имплицитно содержащаяся в евангельском тексте. В соответствии с методологией AAP, антропологическая модель включает: онтологический статус человека (понимание его природы и предназначения), структуру личности (ключевые способности и их иерархию), телос (конечную цель человеческого существования), путь становления (механизмы достижения цели) и главные препятствия на этом пути. Реконструкция осуществляется через выявление тех имплицитных представлений о человеке, которые определяют логику евангельских этических и педагогических высказываний.

Этап педагогической трансляции (концептуальный перенос) предполагает установление системных соответствий между выявленными философско-богословскими категориями и современными педагогическими концептами. Для этого используется инструмент «Таблицы педагогической трансляции», разработанный в рамках методологии AAP. Данная таблица фиксирует логическую цепь: философская категория → её смысловое ядро → педагогический принцип → возможные педагогические технологии. Критерием корректности перевода выступает сохранение сущностного отношения исходной категории к процессу становления человека при её адаптации к современному образовательному контексту.

Контрольная группа в данном теоретическом исследовании не предусмотрена, поскольку работа ведётся на уровне герменевтического анализа и концептуального проектирования, а не эмпирической проверки эффективности. Валидность результатов обеспечивается за счёт: а) внутренней логической связности всех этапов реконструкции; б) опоры на авторитетные академические источники и богословские

комментарии; в) использования формализованных процедур и инструментов (аксиологическая карта, антропологическая матрица, таблица педагогической трансляции); г) прозрачности интерпретативных решений, фиксируемых в ходе анализа. Для обеспечения интерсубъективной проверяемости интерпретации применяется принцип сопоставления с альтернативными прочтениями евангельского текста, представленными в современной богословской и философско-педагогической литературе.

Надёжность результатов обеспечивается последовательным соблюдением процедуры метода ААР на всех этапах исследования, включая обязательную верификацию промежуточных результатов по критериям системности, герменевтической достоверности и концептуальной валидности.

Статистическая обработка данных не применяется в силу теоретического характера исследования. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринимается систематическая аксиолого-антропологическая реконструкция евангельского текста как основания для проектирования педагогической модели преодоления конфликта поколений, что позволяет перевести богословские категории в плоскость операциональных педагогических принципов.

Результаты. Применение метода аксиолого-антропологической реконструкции (ААР) к корпусу новозаветных текстов позволило выявить целостную и внутренне непротиворечивую систему ценностных и антропологических оснований, релевантных для преодоления конфликта поколений. Результаты представлены в логике последовательных этапов метода: от аксиологической детекции к антропологической экспликации и педагогической трансляции.

Аксиологическая детекция (AR-1): ядро евангельской этики отношений

Аксиологический анализ евангельского текста позволил выявить иерархическую структуру ценностей, в которой высшее благо (Summum Bonum) определяется не как абстрактный моральный закон или социальный идеал, а как Царство Божие и пребывание в любви Божией. Данная цель, согласно евангельскому учению, достижима не через формальное исполнение предписаний, а через уподобление Отцу Небесному

(Мф. 5:48), что предполагает радикальное переопределение всей системы человеческих отношений, включая отношения между поколениями.

Из этого высшего блага с логической необходимостью вытекает ключевая ценность-механизм, выполняющая функцию системообразующего принципа межпоколенческих отношений, – **ἀγάπη (агапэ)**, понимаемая не как эмоциональная привязанность или симпатия, а как безусловное, жертвенное и деятельное расположение воли к другому. В отличие от психологизирующих трактовок любви, евангельское понимание ἀγάπης имеет онтологический статус: она есть способ бытия человека в мире, определяющий его отношения с Богом и с другими людьми. Ключевым текстуальным маркером здесь выступает заповедь Иисуса: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Ин. 13:34). Принципиально важно, что мера любви задаётся не человеческим идеалом, а жертвенным примером самого Христа, что радикально меняет онтологический статус межпоколенческих отношений: они перестают быть договорными или иерархическими по своей природе и становятся событием служения.

На следующем уровне иерархии располагаются ценности-условия, конкретизирующие ἀγάπη и определяющие её практическое воплощение. К ним относятся:

1. **Служение (διακονία):** В евангельской этике служение понимается не как унизительная обязанность, а как форма реализации подлинной власти и величия. Иисус прямо заявляет: «Сын Человеческий не для того пришёл, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф. 20:28). Этот принцип радикально трансформирует иерархию отношений между поколениями: авторитет старшего утверждается не через доминирование, а через служение младшему.
2. **Ответственность (в евангельской терминологии – «бодрствование» и «верность»):** Ответственность понимается как способность отвечать за порученное дело и за вверенных людей. В притче о талантах (Мф. 25:14–30) и притче о верном и неверном рабе (Мф. 24:45–51) акцентируется, что ответственность является критерием оценки человеческой жизни.

Применительно к межпоколенческим отношениям это означает, что старшее поколение несёт ответственность за передачу ценностей и опыта, а младшее – за их творческое освоение и приумножение.

3. **Смирение (ταπεινοφροσύνη):** В евангельском учении смирение понимается не как самоуничижение, а как онтологическая установка, основанная на признании своей зависимости от Бога и открытости к Истине. Иисус настаивает: «Кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (Мф. 18:4). Это означает, что подлинное величие в межпоколенческих отношениях достигается не через утверждение своего авторитета, а через способность учиться у другого, признавая его ценность и уникальность.

На операциональном уровне эти ценности-условия конкретизируются в комплексе практических норм и принципов, образующих повседневную этику межпоколенческих отношений. К ним относятся:

- **Принцип неосуждения:** «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7:1). Данный принцип предполагает отказ от категоричных оценок и проекции собственных представлений на другого, что создаёт пространство для диалога и взаимопонимания между поколениями.
- **Принцип прощения:** «Прощайте, и прощены будете» (Лк. 6:37). Прощение понимается не как разовое действие, а как онтологическая установка, делающая возможным восстановление разрушенных отношений между поколениями. В притче о блудном сыне (Лк. 15:11–32) прощение отца становится условием возвращения и восстановления отношений.
- **Принцип милосердия:** «Милости хочу, а не жертвы» (Мф. 9:13). Милосердие понимается как деятельная забота о другом, превышающая формальное исполнение предписаний. В контексте межпоколенческих отношений это означает приоритет живого сострадания и понимания над формальным соблюдением норм и традиций.

Реконструированное аксиологическое ядро демонстрирует внутреннюю связность: все ценности логически выводятся из высшего блага (Царство Божие как пребывание в любви) и функционально согласованы между собой. Служение, ответственность и

смирение выступают как конкретизации ἀγάπης в пространстве межпоколенческих отношений, а принципы неосуждения, прощения и милосердия – как практические механизмы их реализации.

Антропологическая экспликация (AR-2): евангельская модель человека в межпоколенческих отношениях

Антропологическая модель, имплицитно содержащаяся в евангельском тексте, выстраивается как прямая и необходимая проекция его аксиологического ядра. Если аксиология отвечает на вопрос «что есть высшее благо?», то антропология раскрывает образ человека, для которого это благо является целью, и путь его достижения.

Онтологический статус человека. Евангельская антропология исходит из признания человека творением Божиим, носящим образ Божий (Быт. 1:26), однако пребывающим в состоянии повреждённости, требующем исцеления и восстановления. Эта двойственность – между высшим достоинством и глубокой повреждённостью – определяет понимание межпоколенческих отношений: человек не является самодостаточным существом, способным к автономному самоопределению, но нуждается в Другом и в Ином для обретения своей подлинной идентичности. В евангельской перспективе конфликт поколений имеет онтологическую природу: он коренится в повреждённости человеческой природы, в неспособности к подлинному диалогу и признанию Другого.

Телос (цель становления). Конечная цель человеческого существования в евангельской традиции имеет двухуровневую структуру. Негативно-терапевтическая фаза предполагает освобождение от власти страстей, эгоцентризма и самообмана – то есть тех состояний, которые препятствуют подлинному диалогу между поколениями. Позитивно-миссионерская фаза состоит в стяжании евангельских добродетелей, прежде всего любви и смирения, как полноты восстановленного образа. Применительно к межпоколенческим отношениям это означает, что цель состоит не в устранении различий между поколениями, а в их продуктивном удержании в пространстве любви и служения.

Структура личности. Евангельская антропология описывает структуру личности через иерархию ключевых способностей: сердце (καρδία) как центр духовной жизни и

источник помыслов и поступков, ум (νοῦς) как способность к различению и пониманию, и воля как исполнительная сила. Иисус настаивает: «От избытка сердца говорят уста» (Мф. 12:34), а «из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния...» (Мф. 15:19). Нормативное, здоровое состояние личности предполагает, что сердце, очищенное и просвещённое благодатью, направляет ум и волю к добру. Падшее состояние характеризуется инверсией: страстное сердце диктует свою волю помрачённому уму. В контексте межпоколенческих отношений это означает, что подлинное понимание между поколениями возможно лишь при условии «чистоты сердца» – то есть способности к бескорыстному и незаинтересованному восприятию Другого.

Путь становления. Евангельский путь к целостности и подлинной свободе описывается как синергийный процесс, предполагающий совместное действие человеческого усилия и божественной благодати. Ключевым элементом этого пути является **покаяние (μετάνοια)** , понимаемое не как эмоциональное сожаление о прошлом, а как «перемена ума» – радикальное изменение способа мышления и восприятия реальности. Применительно к межпоколенческим отношениям покаяние означает готовность пересмотреть свои установки и ожидания в отношении Другого. Конкретными практиками этого пути являются: молитва как обращение ума и сердца к Богу, актуализирующее зависимость от благодати; служение как практика самоотдачи, преодолевающая эгоцентризм; и общинная жизнь как пространство взаимной поддержки и научения.

Главное препятствие. Евангельский текст последовательно выявляет главное препятствие на пути к подлинным межпоколенческим отношениям – **гордость (ὑπερηφανία)** и её производные: самоуверенность, лицемерие, осуждение Другого. Иисус многократно обличает фарисеев и книжников за их самоправедность и неспособность к покаянию (Мф. 23). Гордость опасна тем, что она парализует саму способность к диалогу и признанию Другого, создавая иллюзию само-достаточности и закрытости. В педагогической перспективе это означает, что ключевым препятствием для выстраивания продуктивных отношений между поколениями является не различие ценностей как таковое, а неспособность к смирению и готовности учиться у Другого.

Педагогическая трансляция:
от евангельских категорий к педагогическим принципам

На основе выявленного аксиологического ядра и антропологической модели была осуществлена педагогическая трансляция ключевых евангельских категорий в систему педагогических принципов. Результаты трансляции представлены в табл. 1.

Таблица 1

Педагогическая трансляция евангельских категорий

Философско-богословская категория	Смысловое ядро (герменевтическая расшифровка)	Педагогический принцип / концепт	Возможные педагогические технологии / формы работы	Критерий адекватности перевода (верификационный вопрос)
Ἀγάπη (агапэ)	Безусловное, жертвенное, деятельное расположение воли к другому, имеющее онтологический статус и определяющее способ бытия человека в мире.	Безусловное принятие и педагогика служения. Приоритет заботы о благе воспитанника как критерий педагогического действия.	1. Индивидуальные беседы и консультации, ориентированные на понимание уникальной ситуации ребёнка. 2. Волонтёрские и социальные проекты, где старшие служат младшим (и наоборот). 3. Практика «педагогической поддержки» (О.С. Газман) как альтернатива авторитарному воздействию.	Сохраняется ли идея безусловной ценности другого и деятельной заботы о нём, а не эмоциональная симпатия или манипуляция?
Διακονία (служение)	Форма реализации подлинной власти и величия через добровольное принятие позиции слуги, преодолевающая иерархию господства и подчинения.	Принцип педагогического авторитета как служения. Авторитет утверждается через заботу и ответственность, а не через доминирование.	1. Технология «педагогического сопровождения» (Е.И. Казакова): педагог как фасилитатор, а не транслятор норм. 2. Совместное проектирование образовательного маршрута, где педагог и ученик	Утверждается ли авторитет педагога через заботу и служение, а не через власть и контроль?

			– со-участники. 3. Практика «педагогической рефлексии»: осмысление педагогом своих мотивов и установок в отношении учеников.	
Ὑπακοή (послушание)	Сознательное, ответственное принятие внешней нормативной рамки (заповеди, совета эксперта) как необходимого условия для преодоления самообмана и дисциплинирования собственной воли, основанное на доверии к авторитету истины.	Воспитание способности к ответственному принятию нормы и диалогу с авторитетом. Формирование понимания, что работа в рамках заданных ограничений является условием освоения сложной деятельности.	1. Метод проектов с чёткими «аскетическими» constraints: жёсткие рамки по времени, ресурсам, формату результата. 2. Педагогика договора (контракта): совместная выработка и принятие правил работы и критериев оценки. 3. Техника «слепого следования инструкции» на начальных этапах освоения навыка с последующей рефлексией заложенной в ней логики.	Сохраняется ли идея добровольного самоограничения ради долгосрочной цели развития и преодоления диктата сиюминутного желания или мнения?
Μετάνοια (покаяние)	«Перемена ума» – радикальное изменение способа мышления и восприятия, механизм рефлексивной идентификации ошибки и последующей коррекции поведения и установок.	Формирующее оценивание и культура рефлексивной коррекции. Превращение ошибки из знака провала в источник диагностической информации и точку роста.	1. Протокол «разбора полётов» после проекта/работы: «Что планировал? Что получилось? Почему разрыв? Какой вывод и план коррекции?». 2. Работа с портфолио, где ключевым	Сохраняется ли функция оперативной обратной связи и изменения курса, а не фиксация вины или несостоятельности?

			элементом являются комментарии к черновикам и фиксация трудностей. 3. Педагогика «разрешённой ошибки»: создание учебных ситуаций, где совершение и анализ ошибки является запланированным этапом.	
Ταπεινοφροσύνη (смирение)	Онтологическая установка, основанная на признании своей зависимости от Абсолюта и открытости к Истине, проявляющаяся в способности учиться у Другого.	Принцип диалогического научения. Способность педагога признавать ограниченность собственного понимания и открытость к опыту ученика.	1. Практика «взаимного обучения»: ученик учит учителя (например, в цифровых компетенциях). 2. Рефлексивные сессии, где педагог делится собственными трудностями и сомнениями. 3. Анализ кейсов из педагогической практики с акцентом на анализ собственных ошибок и упущений.	Признаётся ли педагогом право ученика на собственное понимание и возможность научиться у него чему-то новому?

Источник – составлено автором.

Как видно из табл. 1, педагогическая трансляция сохраняет сущностное отношение исходных категорий к процессу становления человека. Предложенные педагогические технологии являются не произвольным заимствованием из смежных подходов, а логической операционализацией реконструированных ценностно-антропологических оснований. Критерий адекватности перевода позволяет проверить,

не произошла ли редукция смысла (например, подмена «агапэ» эмоциональной привязанностью, а «послушания» – слепым подчинением).

Ключевым результатом трансляции является формулировка педагогического принципа диалогического наставничества, интегрирующего все выявленные евангельские основания: авторитет наставника утверждается не через власть, а через служение и заботу; отношение к воспитаннику строится на безусловном принятии и уважении его уникальности; ошибка рассматривается как материал для рефлексивного роста; а сам образовательный процесс понимается как со-бытие, где встречаются и взаимно обогащаются разные поколенческие опыты.

Обсуждение и заключение. Проведённое исследование, основанное на аксиолого-антропологической реконструкции евангельского текста, позволило выявить целостную ценностно-антропологическую модель, предлагающую принципиально иной взгляд на природу и способы преодоления конфликта поколений. Полученные результаты требуют осмысления в контексте существующих научных подходов, а также позволяют сформулировать теоретические выводы и практические рекомендации, выходящие за рамки простой констатации проблемы.

Выявленное аксиологическое ядро евангельской этики отношений, центральным элементом которого выступает ἀγάπη как безусловное и жертвенное расположение воли к другому, существенно уточняет существующие в педагогической науке представления о природе любви как основании воспитательных отношений. В отличие от психологизирующих трактовок, редуцирующих любовь к эмоциональной привязанности или симпатии, евангельское понимание придаёт ей онтологический статус, определяющий сам способ бытия человека в мире. Это положение согласуется с выводами философской антропологии (М. Бубер, М.М. Бахтин), рассматривающей отношение к Другому как конституирующее человеческое бытие, однако дополняет их указанием на жертвенный характер этого отношения, что принципиально меняет педагогическую оптику: воспитание перестаёт быть процессом трансляции норм и становится событием служения [4; 6; 7].

Полученные данные вносят существенное уточнение в эмпирические исследования межпоколенческих отношений. Так, вывод О.А. Александровой о том,

что студенческая молодёжь откладывает брак и рождение детей из-за осознанной ответственности, а не инфантилизма, находит своё ценностно-антропологическое обоснование в евангельской модели [2]. Ответственность в евангельской перспективе понимается не как внешнее принуждение или социальное ожидание, а как внутренняя способность отвечать за порученное дело и вверенных людей, что коррелирует с выявленной мотивацией молодёжи к осознанному родительству. Однако евангельская модель предлагает не просто констатацию этой ответственности, а путь её формирования через практики служения и заботы, что указывает на необходимость разработки соответствующих педагогических технологий.

Результаты исследования С.А. Ильиных, фиксирующие разрыв между идеализированными и реальными представлениями о семье, также получают новое осмысление в свете проведённой реконструкции [10]. Евангельская модель не предлагает новый идеал (который, как показывают исследования, и так существует в сознании людей), а указывает путь к его реализации через практики покаяния (μετάνοια) – радикального пересмотра собственных установок и готовности к изменению. Это означает, что преодоление разрыва между идеалом и реальностью требует не внешнего нормирования, а внутренней работы по изменению способа мышления и восприятия Другого.

Особого внимания заслуживает сопоставление полученных результатов с исследованием О.Н. Безруковой и В.А. Самойловой, посвящённым отцовству [5]. Авторы выявляют два типа отцов: «транслирующие» опыт родителей и «ищущие собственный подход», причём последние, проявляя большую вовлечённость, одновременно испытывают больше сомнений в своей родительской компетентности. Евангельская модель предлагает способ преодоления этой неуверенности через обращение к авторитету, понимаемому не как внешнее давление, а как доверие к Истине и готовность учиться у Другого. Принцип «послушания» (ὑπακοή) в евангельском понимании – это не слепое подчинение, а сознательное принятие нормативной рамки, основанное на признании её целесообразности для достижения значимой цели. Это позволяет переосмыслить противоречие между трансляцией и поиском: они не

являются взаимоисключающими, а представляют собой взаимодополняющие фазы единого процесса становления.

Выводы Е.П. Арнаутовой, Е.С. Рычаговой и И.Н. Воробьевой о недостаточной осознанности семейных традиций как механизма трансляции ценностей [3] также находят своё разрешение в предлагаемой модели. Евангельская традиция предлагает не просто набор обычаев и ритуалов, а целостную систему ценностно-антропологических оснований, которые могут быть реконструированы и осознанно транслированы. Метод аксиолого-антропологической реконструкции, применённый в данном исследовании, может служить именно таким инструментом осознанной трансляции, позволяя эксплицировать имплицитные ценностные основания и переводить их в плоскость педагогического проектирования.

Наконец, исследование Е.В. Коротаевой, А.С. Андрюниной и И.Г. Чугаевой, фиксирующее запрос родителей на согласование ценностных позиций через диалог с педагогами [12], получает своё теоретическое обоснование в разработанной модели. Евангельское понимание диалога, восходящее к сократической традиции, предполагает не обмен мнениями, а «встречу» сознаний, в которой рождается новое знание. Принцип диалогического наставничества, сформулированный на основе реконструированных оснований, предлагает конкретный способ такой встречи, где авторитет утверждается через служение, а различие позиций становится источником взаимного обогащения.

Теоретическая значимость исследования определяется несколькими ключевыми аспектами. Во-первых, впервые предпринята систематическая аксиолого-антропологическая реконструкция евангельского текста как основания для педагогического проектирования в области межпоколенческих отношений. Это позволяет перевести богословские категории из плоскости конфессиональной герменевтики в плоскость операциональных педагогических принципов, что расширяет методологический аппарат педагогической науки.

Во-вторых, предложена новая интерпретация конфликта поколений, рассматривающая его не как неизбежное столкновение ценностных систем или индивидуально-психологический кризис, а как онтологическое условие становления субъектности. В евангельской перспективе конфликт поколений не подлежит

устранению, но может быть продуктивно удержан в пространстве любви и служения, где различие становится источником взаимного обогащения, а не противостояния. Это позволяет преодолеть ограниченность как социологических подходов, фиксирующих неизбежность «цивилизационного разрыва», так и психологических подходов, редуцирующих проблему к успешности индивидуальной адаптации.

В-третьих, уточнено понятие педагогического авторитета. В противовес как авторитарной модели (авторитет как власть и контроль), так и либеральной модели (отказ от авторитета в пользу «свободного воспитания»), евангельская модель предлагает понимание авторитета как служения. Авторитет утверждается не через доминирование, а через заботу, ответственность и готовность к самоотдаче. Это позволяет переосмыслить природу педагогического отношения и предложить альтернативу как традиционному «учительству», так и современному «фасилитаторству».

В-четвёртых, введено в научный оборот различение двух типов ответственности в межпоколенческих отношениях: ответственности *перед* (традицией, авторитетом, нормой) и ответственности *за* (Другого, общее дело, будущее). Евангельская модель демонстрирует их синтетическое единство, где ответственность перед Истиной становится основанием для ответственного отношения к Другому. Это позволяет преодолеть ложную дихотомию «традиция versus инновация», показывая, что подлинное обновление возможно лишь на основе глубокого усвоения традиции.

Практическая значимость исследования состоит в разработке конкретных инструментов для выстраивания продуктивных межпоколенческих отношений в образовательной практике. Сформулированные педагогические принципы и предложенные технологии могут быть непосредственно использованы в деятельности педагогов, психологов и социальных работников.

Во-первых, педагогам и классным руководителям рекомендуется включать в практику работы с родителями элементы диалогического взаимодействия, основанные на принципах безусловного принятия и служения. Это предполагает переход от информационно-отчётных форм взаимодействия (родительские собрания, информирование об успеваемости) к содержательным формам, направленным на

согласование ценностных позиций (педагогические мастерские, вечера вопросов и ответов, совместное проектирование образовательных маршрутов). Конкретным шагом может служить внедрение практики «педагогического контракта» – совместной выработки и принятия правил взаимодействия между педагогами, родителями и обучающимися.

Во-вторых, для педагогов-психологов и социальных педагогов предлагается использовать разработанную модель в программах психолого-педагогического просвещения родителей. Особое внимание рекомендуется уделять развитию рефлексивных навыков у родителей, позволяющих им осознавать собственные родительские установки и их связь с опытом, полученным в родительской семье. Конкретным инструментом может служить «рефлексивный дневник» родителя, структурированный по категориям «автоматическая реакция – альтернативное осмысление – выбор стратегии», что перекликается с евангельским алгоритмом «внимание – рассуждение – действие».

В-третьих, для разработчиков образовательных программ и методических материалов предлагается использовать принцип диалогического наставничества как концептуальную основу для проектирования воспитательных модулей. Это предполагает смещение акцента с трансляции готовых ценностных образцов на создание пространства для их совместного осмысления и проживания. Целесообразно разрабатывать такие формы работы, как «межпоколенческие проекты», где представители разных поколений (дети, родители, бабушки и дедушки) выступают как равноправные участники совместного дела.

В-четвёртых, для системы повышения квалификации педагогических кадров рекомендуется включение в программы подготовки модулей, направленных на развитие у педагогов способности к рефлексии собственных ценностных установок и готовности к диалогическому взаимодействию. Ключевым содержанием таких модулей должно стать осмысление педагогической деятельности как служения, а не как трансляции или управления.

Настоящее исследование имеет ряд ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации его результатов и планировании дальнейших исследований.

Во-первых, теоретический характер исследования предполагает, что сформулированные педагогические принципы и технологии требуют эмпирической верификации в реальной образовательной практике. Предложенный проектный эскиз модели «диалогического наставничества» нуждается в апробации с последующей корректировкой на основе полученных эмпирических данных.

Во-вторых, реконструкция евангельского текста осуществлялась преимущественно на материале канонических Евангелий, что оставляет открытым вопрос о том, в какой мере полученные выводы могут быть экстраполированы на весь корпус новозаветных текстов и на другие христианские традиции. Дальнейшие исследования могли бы расширить корпус источников, включив послания апостолов и раннехристианскую литературу.

В-третьих, проведённая реконструкция не учитывает в полной мере конфессиональные различия в интерпретации евангельского текста. Использованная герменевтическая стратегия, ориентированная на выявление универсальных ценностно-антропологических оснований, может быть дополнена сравнительным анализом различных богословских традиций (православной, католической, протестантской).

В-четвёртых, исследование не затрагивает вопрос о применении разработанной модели в работе с детьми разных возрастных групп. Предложенные педагогические принципы требуют возрастной конкретизации и адаптации к психологическим особенностям различных этапов развития.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с несколькими направлениями. Во-первых, планируется эмпирическая апробация разработанной модели в образовательных учреждениях с последующей оценкой её эффективности. Во-вторых, представляет интерес сравнительный анализ ценностно-антропологических оснований различных религиозных и культурных традиций в контексте межпоколенческих отношений, что позволит выявить как универсальные, так и культурно-специфические механизмы преодоления конфликта поколений. В-третьих, перспективным является изучение возможностей использования метода аксиолого-антропологической реконструкции в системе подготовки педагогических кадров, что может стать основой для разработки новых образовательных модулей и программ повышения квалификации.

В-четвёртых, заслуживает внимания анализ того, как разработанная модель может быть адаптирована к условиям цифровой образовательной среды, где коммуникация между поколениями приобретает опосредованный характер.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие итоговые выводы.

1. Конфликт поколений имеет онтологическую природу. В евангельской перспективе конфликт поколений не является следствием несовершенства социальных институтов или индивидуально-психологических особенностей, но коренится в повреждённости человеческой природы, в неспособности к подлинному диалогу и признанию Другого. Это означает, что преодоление конфликта поколений требует не внешних административных или психологических мер, а глубинной трансформации самого способа бытия человека в мире.

2. Евангельская модель предлагает преодоление конфликта не через его снятие, а через продуктивное удержание. В отличие от подходов, стремящихся либо к устранению различий между поколениями (через нивелирование ценностных систем), либо к их абсолютизации (через «войну поколений»), евангельская модель предлагает удерживать различие в пространстве любви и служения. Различие становится не источником противостояния, а условием взаимного обогащения и роста.

3. Ключевым механизмом преодоления конфликта поколений является педагогика любви и ответственности. Педагогика любви понимается не как эмоциональное принятие, а как деятельное служение, основанное на безусловном признании ценности другого. Педагогика ответственности понимается не как внешнее принуждение, а как формирование внутренней способности отвечать за порученное дело и вверенных людей. Их синтез создаёт пространство для подлинного диалога между поколениями.

4. Разработанная модель «диалогического наставничества» может служить концептуальной основой для проектирования образовательных практик. Предложенные педагогические принципы (безусловное принятие, авторитет как служение, рефлексивная коррекция, диалогическое научение) и технологии (педагогический контракт, рефлексивный дневник, межпоколенческие проекты) являются

операционализацией реконструированных евангельских оснований и могут быть непосредственно использованы в образовательной практике.

5. Метод аксиолого-антропологической реконструкции зарекомендовал себя как эффективный инструмент педагогической трансляции ценностно-антропологических оснований. Применение данного метода позволило осуществить контролируемый и верифицируемый переход от евангельского текста к системе педагогических принципов и технологий, что открывает перспективы для его использования в анализе других культурных и религиозных традиций.

Таким образом, проведённое исследование подтвердило выдвинутую гипотезу о том, что обращение к евангельскому тексту позволяет выявить целостную антропологопедагогическую систему, основанную на синтезе любви и ответственности, которая предлагает не снятие антиномии «отцов и детей», а её продуктивное удержание в пространстве диалога и служения. Разработанная модель диалогического наставничества может служить концептуальной основой для проектирования образовательных практик, направленных на преодоление конфликта поколений и формирование субъекта ответственного диалога.

Литература и информационные источники

1. Аверинцев С.С. Собрание сочинений. Киев: Дух і Літера, 2004. 912 с.
Averintsev S.S. (2004). *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Kiev, Dukh i Litera Publ., 912 p. (In Russ.)
2. Александрова О.А. Инфантильные или ответственные: студенческая молодёжь о новых тенденциях в брачно-семейной и репродуктивной сферах // Народонаселение. 2024. Т. 27. № S1. С. 107–119. https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-107-119, https://elibrary.ru/yxwvne
Aleksandrova O.A. (2024). Infantile or responsible: student youth on new trends in the marriage-family and reproductive spheres. *Narodonaselenie = Population*, vol. 27, no. S1, pp. 107-119. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-107-119, https://elibrary.ru/yxwvne
3. Арнаутова Е.П., Рычагова Е.С., Воробьева И.Н. Изучение традиций семейного воспитания как потенциала сохранения духовно-нравственных ценностей // Современное дошкольное образование. 2024. Т. 18. № 5. С. 12–27. https://doi.org/10.24412/2782-4519-2024-5125-12-27
Arnautova E.P., Rychagova E.S., Vorob'eva I.N. (2024). Studying the traditions of family education as a potential for preserving spiritual and moral values. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie = Preschool Education Today*, vol. 18, no. 5, pp. 12-27. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/2782-4519-2024-5125-12-27
4. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2: Проблемы творчества Достоевского. Статьи о Толстом. Записи курса лекций по истории русской литературы. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2000. 800 с.
Bakhtin M.M. (2000). *Sobranie sochinenii: v 7 t. T. 2: Problemy tvorchestva Dostoevskogo. Stat'i o Tolstom. Zapisi kursa lektsii po istorii russkoi literatury* [Collected works: in 7 vols. Vol. 2: Problems of Dostoevsky's creativity. Articles on Tolstoy. Records of the lecture course on the history of Russian literature]. Moscow, Russkie slovari Publ., Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 800 p. (In Russ.)

5. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 94–105. https://doi.org/10.31857/S013216250016969-8
Bezrukova O.N., Samoilova V.A. (2022). Fatherhood in modern Russia: meanings, values, practices and intergenerational transmission. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, no. 2, pp. 94-105. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S013216250016969-8
6. Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. 464 с.
Buber M. (1995). *Dva obraza very* [Two images of faith]. Moscow, Respublika Publ., 464 p. (In Russ.)
7. Бубер М. Я и Ты. М.: Высшая школа, 1993. 175 с.
Buber M. (1993). *Ya i Ty* [I and Thou]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 175 p. (In Russ.)
8. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
Gadamer Kh.-G. (1988). *Istina i metod: Osnovy filosofskoi germenevtiki* [Truth and method: Fundamentals of philosophical hermeneutics]. Moscow, Progress Publ., 704 p. (In Russ.)
9. Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили: К началам органической психологии. М.: Новая школа, 1997. 336 с.
Zinchenko V.P. (1997). *Posokh Mandel'shtama i trubka Mamardashvili: K nachalam organicheskoi psikhologii* [Mandelstam's staff and Mamardashvili's pipe: Towards the origins of organic psychology]. Moscow, Novaya shkola Publ., 336 p. (In Russ.)
10. Ильиных С.А. Семья в зеркале мнений горожан: реальные и идеализированные представления // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 92–101. https://doi.org/10.17223/15617793/509/9
Il'inykh S.A. (2024). The family in the mirror of townspeople's opinions: real and idealized representations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, no. 509, pp. 92-101. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/15617793/509/9
11. Карташёв А.В. Очерки по истории Русской Церкви: в 2 т. Т. 2. М.: Терра, 1992. 569 с.
Kartashev A.V. (1992). *Ocherki po istorii Russkoi Tserkvi: v 2 t. T. 2* [Essays on the history of the Russian Church: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Terra Publ., 569 p. (In Russ.)
12. Коротаева Е.В., Андрюнина А.С., Чугаева И.Г. Диалогическое взаимодействие семьи и школы: содержательный аспект // Образование и наука. 2023. Т. 25. № 3. С. 97–121. https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-3-97-121
Korotaeva E.V., Andryunina A.S., Chugaeva I.G. (2023). Dialogical interaction of family and school: the content aspect. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*, vol. 25, no. 3, pp. 97-121. (In Russ.) https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-3-97-121
13. Мангейм К. Проблема поколений // Очерки социологии знания: Проблема поколений / сост. и вступ. ст. А.В. Лубского. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 8–63.
Mangeim K. (2000). The problem of generations. *Ocherki sotsiologii znaniya: Problema pokolenii* [Essays on the sociology of knowledge: The problem of generations]. Moscow, INION RAN Publ., pp. 8-63. (In Russ.)
14. Положевец Е.В. Загадка конфликтов поколений отцов и детей // Гуманитарные науки. 2023. № 28. С. 50–52.
Polozhevets E.V. (2023). The riddle of generational conflicts between fathers and children. *Gumanitarnye nauki = Humanities*, no. 28, pp. 50-52. (In Russ.)
15. Санников М.А. Метод аксиолого-антропологической реконструкции как инструмент операционализации духовно-нравственных ценностей в дополнительном образовании // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Т. 31. № 4. С. 1009–1026. https://doi.org/10.20310/1810-0201-2026-31-4-1009-1026, https://elibrary.ru/rimuxm
Sannikov M.A. (2026). The method of axiological-anthropological reconstruction as a tool for operationalizing spiritual and moral values in supplementary education. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 31, no. 4, pp. 1009-1026. (In Russ.) https://doi.org/10.20310/1810-0201-2026-31-4-1009-1026, https://elibrary.ru/rimuxm
16. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
Erikson E. (1996). *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow, Progress Publ., 344 p. (In Russ.)
17. Biesta G.J.J. (2013). *The Beautiful Risk of Education*. Boulder, CO, Paradigm Publishers, 165 p.

GRNTI 14.39.00+14.01.00+14.25.00
UDC 37.018.1+373.5+37.013.2
VAK 5.8.1.

Sannikov Maksim A. ✉
Rector, Associate Professor of the Department of General Humanities
Ushinsky Institute for the Development of Education
Izhevsk, Russia
✉ *E-mail: rector@ushinsky-iro.ru*

«FATHERS AND CHILDREN» IN THE LIGHT OF THE GOSPEL: OVERCOMING THE CONFLICT OF GENERATIONS THROUGH THE PEDAGOGY OF LOVE AND RESPONSIBILITY

Abstract: The article analyzes the phenomenon of the generational conflict ("fathers and children") as a fundamental pedagogical antinomy rooted in the gap between the transmission of cultural norms and the younger generation's striving for autonomy. Based on a review of contemporary sociological and psychological studies, it is shown that existing approaches describe the external mechanisms of the conflict but do not offer a holistic value-anthropological foundation for its overcoming. To fill this gap, the author applies the methodology of axiological-anthropological reconstruction (AAR) to the corpus of New Testament texts. As a result of axiological detection (AR-1), the core of the evangelical ethics of relations is revealed – ἀγάπη (agape) as an unconditional, sacrificial, and active disposition of will towards the other, concretized in the values of service (διακονία), responsibility, and humility (ταπεινοφροσύνη). Anthropological explication (AR-2) made it possible to reconstruct the model of man as a damaged image of God, moving towards integrity through repentance (μετάνοια) and synergistic co-action with grace, where the generational conflict is understood not as an obstacle, but as an ontological condition for the formation of subjectivity. The pedagogical translation of evangelical categories is carried out into a system of pedagogical principles (unconditional acceptance, authority as service, formative assessment, dialogical learning) and specific technologies (pedagogical contract, reflective diary, intergenerational projects). The principle of dialogical mentoring is formulated as an integrative model for overcoming the generational conflict. The novelty of the research lies in the fact that for the first time a systematic axiological-anthropological reconstruction of the Gospel text is undertaken as a basis for designing a pedagogical model of intergenerational relations, which makes it possible to translate theological categories into the plane of operational pedagogical principles. It is established that the genuine overcoming of the antinomy of "fathers and children" is possible not through choosing one of the sides or compromise, but through the productive retention of difference in the space of love and service, where authority is affirmed through care, and responsibility is understood as an internal ability to answer for the Other.

Keywords: generational conflict, pedagogy of love, pedagogy of responsibility, evangelical anthropology, axiological-anthropological reconstruction, dialogical mentoring, intergenerational relations, service, repentance, humility, upbringing, tradition and innovation.